

Тьма, давящая и глухая. Дышать становилось всё труднее, грудную клетку словно сдавило тисками. Брюс резко открыл глаза, пробуждаясь от слишком знакомого чувства удушья, но вокруг царил крошечный мрак — хоть глаз выколи.

С каждым вдохом в ноздри забивались тончайшие волоски. Брюсу казалось, что его лёгкие уже под завязку забиты кошачьей шерстью.

Нашупав в темноте огромного белого кота, неизвестно когда устроившегося на ночлег прямо на нём, Брюс ухватил меховую тушу поперек туловища и бесцеремонно сдёрнул с себя. Ладно бы этот паразит просто спал рядом, но укладываться на чужое лицо и грудь, напрочь перекрывая кислород — это уже перебор.

— Сатору! Ты вообще хоть представляешь, сколько вешишь?! — прорычал Брюс, и в его сиплом со сна голосе хлопотала искренняя ярость.

Однако белому коту было абсолютно всё равно.

Возможно, дело было в сопротивлении проклятой энергии, но к рассвету кошачий морок начал постепенно спадать, уступая место человеческому разуму Сатору. Впрочем, некоторые повадки представителей семейства кошачьих из него так просто не выветрились.

Он огляделся. Это была его комната.

Некогда пышный, невероятно мягкий матрас вместе с пуховым одеялом теперь щеголял глубокими прорезами от когтей. Наполнитель легкокрылым снегопадом кружил по комнате, сиротливо зависая по углам и цепляясь за люстру. Плюшевые игрушки, безжалостно растерзанные и искусанные, валялись на полу живописными ошметками — зрелище поистине душераздирающее.

Тяжелые портьеры в некогда строгом классическом стиле превратились в рваную бахрому. Они уныло колыхались на утреннем сквозняке, словно безмолвно взывая к справедливости и упрекая виновника в жестокости.

Белый кот невинно захлопал огромными голубыми глазами.

«Это всё котик. А котики такие милые, разве можно их в чём-то винить?»

Придя к этому абсолютно логичному умозаключению, Сатору с чистой совестью облизал белоснежную лапку.

— Мяу-у-у...

Роскошный пушистый хвост лениво качнулся. Оставив позади устроенный им же разгром, меховой монстр гордо зашагал прочь, мягко ступая четырьмя лапами.

Для обитателей поместья Уэйнов час был слишком ранний. На ногах держались лишь Альфред и Джеки Чан. Дворецкий уже хлопотал на кухне, в то время как неугомонный археолог наматывал круги вокруг особняка — судя по ровному, но частому дыханию, бегал он уже не первый десяток минут.

— Мяу-у... Мяу-мяу-у...

Капризное, протяжное кошачье требование раздалось прямо у ног дворецкого. Альфред перестал помешивать жидкое тесто в миске, чувствуя, как об его щиколотки трется что-то невообразимо пушистое и теплое. Этот белоснежный меховой левиафан умудрился занять собой едва ли не половину кухонного пространства.

Отставив миску, Альфред с теплой улыбкой опустился на корточки. Огромный кот тут же доверчиво прижался к его щеке, оглушительно, тракторно затарахтел и принялся тыкаться влажным носом куда попало, щекоча усами.

— Мяу-у-у!

«Альфред! Я хочу печенье с шоколадной крошкой!»

Сатору упорно вился вокруг пожилого мужчины, учуяв соблазнительный аромат выпечки, и наотрез отказывался отходить.

— Молодой господин Сатору, печенье еще не готово, — по-отечески мягко произнес Альфред, буквально волоча за собой упирающегося белого гиганта в сторону духового шкафа. — Но я могу предложить вам немного рыбы.

Поняв, что вернуть человеческий облик в ближайшие часы Сатору не грозит, предусмотрительный дворецкий накануне сделал срочный заказ на свежие морепродукты и лично высушил партию отменных лакомств, идеально подходящих для кошачьего рациона.

Против острых кошачьих зубов сушеная горбыль не имела ни единого шанса. Поджаристое лакомство с аппетитным хрустом ломалось и крошилось; белоснежные волокна рыбьего мяса быстро перемалывались мощными челюстями и бесследно исчезали в бездонном кошачьем желудке.

— Мяу-мяу-мяу!

Сыто заурчав, Сатору оперся передними лапами о край столешницы и от души, всем телом отряхнулся. Результат превзошел все ожидания: густое облако тончайшего белого пуха взмыло

под потолок и плавно, словно январские хлопья, осело во всех мыслимых и немыслимых уголках кухни.

Даже миска с тестом, скромно стоявшая в самом дальнем углу, не избежала этой печальной участи.

Альфред молча созерцал пушистую катастрофу.

В следующий миг он без лишних слов подхватил Сатору под мышки и решительно выставил из кухни.

— С меня хватит, молодой господин, — отрезал дворецкий, плотно закрывая дверь перед самым носом наглого котяры, собиравшегося просочиться обратно. — Человеческий организм поддерживает жизнь за счет калорий, а не за счет кошачьей шерсти.

Развернув кота мордой к коридору, он добавил:

— Если вам решительно нечем заняться, настоятельно рекомендую навестить мастера Брюса. Уверен, он будет просто в восторге.

Брюс, ставший без вины виноватой жертвой тонкого юмора своего дворецкого, лежал в постели, закрыв лицо руками. Из груди его вырвался тяжелый, полный непередаваемой тоски вздох. График его душевной усталости сегодня стремительно пробивал очередное дно.

Интересно, этот пушистый нахал хоть отдаленно понимает, что человеческая грудная клетка физически не приспособлена выдерживать вес кота с настолько критическим перебором массы?

Стоило Брюсу на секунду убрать ладони от лица и глотнуть свежего воздуха, как огромная белая туша снова накрыла его с головой. Длинное, лоснящееся тело распласталось по одеялу, погребая под собой добрую половину хозяина спальни.

Брюс всерьез начал опасаться, что его славный путь защитника Готэма оборвется не от руки какого-нибудь безумного суперзлодея. Нет, он просто-напросто задохнется в недрах роскошного мехового воротника Сатору Годжо.

«Представляю, как Дик с ребятами будут изучать отчет о вскрытии и гадать, почему легкие и желудок их грозного наставника забиты кошачьей шерстью».

От этой мрачной, чисто готэмской мысли Брюс даже криво усмехнулся. Черный юмор немного приободрял, но меховая угроза никуда не делась.

— Мяу-у-у-у!

«Подъем! Кому говорю, подъем!»

Заметив, что Брюс упрямо закрывает глаза и готовится уплыть обратно в объятия Морфея, Сатору недовольно сощурился. Голубые глаза-озера коварно блеснули. Выждав момент, когда Брюс полностью расслабился, кот присел на задние лапы и пружиной взвился в воздух, приземляясь точнехонько ему на грудь.

Ощущения были такими, будто Бэйн снова поднял его над головой и со всей дури швырнул хребтом о колено. Перед глазами на миг поплыли темные круги.

Делать нечего — пришлось вставать. Брюс сел в постели, глядя на победно мяукающего мехового монстра. Злиться на это стихийное бедствие было бесполезно. Смирившись с участью, Брюс сгреб кота в охапку и принялся лениво, машинально перебирать пальцами его густой подшерсток.

Мягкий, шелковистый мех скользил сквозь пальцы, на удивление быстро утихомиривая утреннее раздражение.

— Сдаюсь, твоя взяла, — обреченно пробурчал Брюс.

Под настойчивое мяуканье и деликатное, но непреклонное подталкивание кошачьей головой он наконец окончательно покинул теплую постель.

— Доброе утро, мастер Брюс. Несказанно рад, что сегодня вы изволили проснуться в человеческом обличье, — донесся из коридора фирменный, сочащийся мягким сарказмом голос Альфреда.

— И тебе доброго утра, Альфред, — Брюс, который девять ночей из десяти проводил в амплуа исключительно крылатого млекопитающего, устало зевнул.

Сатору нетерпеливо крутился рядом. Правда, орудовать кошачьими лапами у него получалось со скрипом: попытавшись пододвинуть стул, он не рассчитал силу и с грохотом повалил мебель на пол.

— Позвольте мне, молодой господин Сатору, — мягко вмешался Альфред.

Дворецкий поднял стул и вежливо отодвинул его. Огромный белый кот с грацией истинного аристократа протиснулся в щель под столом, ловко запрыгнул на сиденье и чинно устроился там, обернув пушистый хвост вокруг лап.

Завтрак был подан.

— Мистер Уэйн, доброе утро! Не ожидал застать вас на ногах в такую рань! — бодро крикнул запыхавшийся Джеки, входя в столовую в спортивной майке.

В следующую секунду его взгляд упал на Сатору, благообразно сидевшего за столом. Джеки тактично замялся. Он робко приподнял ладонь и выдавил неуверенное:

— Э-э... Привет?

В глубине души археолог отчаянно молился, чтобы пушистый великан не вздумал прямо сейчас прыгнуть и разодрать ему лицо. В ответ раздалось ленивое утробное урчание.

— Доброе утро, мистер Чан, — спокойно кивнул Брюс.

Альфред споро расставил тарелки. Перед Сатору вновь оказалась миска с сушеными лакомствами, к которым на этот раз добавились куски сочной, слегка припущенной говядины и свежие субпродукты. Для любого нормального кота такой рацион показался бы пределом мечтаний.

Вот только кошачье счастье далеко не всегда оборачивалось радостью для окружающих двуногих. С каждым глотком и каждым пережеванным куском Брюсу приходилось отплевываться от вездесущих белых волосков. Приходилось запивать пищу водой, но стоило заглянуть в стакан, как обнаруживалось, что по поверхности жидкости сиротливо дрейфуют тончайшие пушинки.

Что и говорить — марку Сатору Годжо держал во всем. Даже линял он с размахом, достойным сильнейшего мага современности.

Глядя на то, как вальяжно нежится под утренними лучами Сатору, Альфред внезапно поймал себя на отличной мысли.

Благодаря феноменальным масштабам линьки гостя, в поместье вскоре появился роскошный, плотно набитый матрас из тончайшего кошачьего пуха. Сшить полноценное теплое одеяло из такого материала было задачей трудновыполнимой, а вот мягкий, упругий футон для домашнего кинотеатра получился на славу. Старый как раз давно просился на свалку.

Спустившийся к завтраку Дамиан замер на пороге. Его взору предстал Сатору — вычесанный Альфредом до идеального состояния, волосок к волоску. Огромный белый кот буквально сиял в потоках солнечного света. Каждая шерстинка на его холеной шкуре отливала благородным серебром, поражая мягкостью и ухоженным видом.

Чтобы добиться подобного великолепия, Альфреду пришлось устроить Сатору полноценный

банный день. Потребовались совместные усилия двух физически крепких мужчин — Брюса и Джеки, — которые на протяжении двух мучительных часов сдерживали брыкающегося зверя и сушили его плотную шерсть фенами.

Зато теперь от Сатору исходил тонкий, приятный аромат дорогого шампуня, смешанный с теплым запахом нагретой солнцем шерсти.

Разомлевший от тепла, засыпающий на ходу кот лениво приоткрыл один глаз и уставился на Дамиана. Мальчик замер перед ним как вкопанный, но его ярко-зеленые глаза выдавали крайнюю степень восторга — они буквально горели нетерпением.

«Ладно уж, так и быть. В конце концов, кто здесь самый добрый и понимающий учитель в мире?»

Огромный кот сладко потянулся, забавно растопырив пальцы на лапах, а затем бесцеремонно сгреб мальчишку под себя, утыкаясь носом в его макушку. Внушительные габариты Сатору позволили ему полностью скрыть Дамиана в бескрайнем море белоснежного пуха.

Против столь сокрушительного проявления нежности юный наследник Уэйнов устоять не смог. Броня суровости пала без боя.

Тем временем Джеки безуспешно пытался отыскать свою племянницу. Девочка словно сквозь землю провалилась — он не видел ее с самого рассвета.

— Джейд! Джейд, ты где?!

Маленькая рыжая кошечка, уютно устроившаяся под боком у пушистого белого исполина, при звуках этого голоса на мгновение насторожила ушки, но тут же сладко зевнула и спрятала нос в лапы, зарываясь поглубже в чужую теплую шерсть.

В самом деле, дядя Джеки ищет какую-то Джейд. А при чем тут она — маленькая, милая, ни в чем не повинная кошечка?

<http://bllate.org/book/19544/2004510>